

УДК 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-106-115

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ Н.М. КАРАМЗИНА ПЕРИОДА «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ» (1802-1803)*

Сапченко Л.А.

*Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
432700, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, д. 4,
Российская Федерация*

Аннотация. Публикации Карамзина 1802–1803 гг. рассматриваются с точки зрения задач литературного дела в новую для России эпоху. Установка на доброжелательную критику трактуется как способ содействия творческим возможностям автора, призванного служить благу Отечества. В статье ставится проблема, было ли искусство для Карамзина явлением самоценным, или же оно всегда оставалось способом достижения внеположных целей (европеизации русской культуры, забвению печальной реальности, воспитанию добродетели и патриотизма). Парадокс сочетания творческой деятельности с определением жизни как сновидения перекрывается убеждением Карамзина, что раскрытие всех душевных способностей человека есть путь к бессмертию.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, «Вестник Европы» 1802–1803 гг., задачи литературной критики, назначение искусства.

LITERARY-CRITICAL POSITION OF N. KARAMZIN IN THE PERIOD OF THE “HERALD OF EUROPE” (1802–1803)

L. Sapchenko

*Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University
4, sq. of 100-letiya so dnya rozhdeniya V. I. Lenina, 432700, Ulyanovsk, Russian Federation*

Abstract. Publications of Karamzin of 1802–1803 are examined from the point of view of the tasks of literature in a new era for Russia. Orientation towards benevolent criticism is interpreted as a way of promoting the creative abilities of the author, who is called up to serve the good of the fatherland. The article poses the problem: was art an inherently valuable phenomenon for Karamzin, or was it always a way to achieve the external goals (Europeanization of Russian culture, the oblivion of sad reality, breeding virtue and patriotism). The paradox of the combination of creative activity with the definition of life as a dream is overlaid by Karamzin's conviction that the realization of all the spiritual faculties of a man is a way to immortality.

Key words: N. Karamzin, “The Herald of Europe” 1802–1803, tasks of literary criticism, the purpose of art.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь»

© Сапченко Л.А., 2017.

С началом царствования Александра I изменилось мировосприятие Карамзина, стали иными его воззрения и на литературу, и на действительность. Теперь все виды деятельности – и художественная, и практическая – должны были служить, по Карамзину, одной цели: благу Отечества, просвещению и добродетели. В связи с этим большая польза ожидалась от одобрения, поощрения талантов, а не от критики. Всё это отразилось в содержании и структуре «Вестника Европы» (1802–1803). Хотя жанр рецензии в значительной мере уступает в журнале место программным материалам о просветительской роли и нравственном значении литературы в жизни русского общества, всё же Карамзин остаётся верен своим главным эстетическим установкам. Он призывает быть снисходительным, не указывать на недостатки, а вдохновлять русских сочинителей, хвалить, а не бранить их творения: «Мы не аристократы в литературе: смотрим не на имена, а на произведения и сердечно рады способствовать известности молодых авторов» [6, с. 127].

Печатная критика, по убеждению Карамзина, должна быть непременно доброжелательной. Резкие, строгие суждения он отрицал, ибо они пугают «всякое нежное самолюбие» и «своею грубою строгостию» могут «совершенно отвратить» писателя от авторства [6, с. 154]. Верный принципу, что нельзя подходить к произведению со своими требованиями, с заранее готовыми установками, будь то даже правила Аристотеля, Карамзин пишет статью «О Богдановиче и его сочинениях» [4]. «Грации и их любимцы» боятся педантов, считает Карамзин. «Душеньку» Богдановича он называет «лёгкой

игрой воображения, основанной на одних правилах нежного вкуса, а для них нет Аристотеля. В таком сочинении всё правильно, что забавно и весело, остроумно выдуманно, хорошо сказано» [6, с. 135]. Критик предлагает «без всякого учёного масштаба» идти вслед за стихотворцем. Отметив «хорошие и прекрасные места» в «Душеньке», Карамзин замечает, что она, конечно, «не вся писана такими счастливыми стихами, но вообще столь приятна, что благоразумный критик, чувствительный красотах искусства и дарования», не захочет «на счёт её доказывать своей тонкой разборчивости» и не забудет оценить художественные открытия поэта. Противоположный подход Карамзин называет «пустословием или злословием» [6, с. 149], говорит о неуместности строгой оценки.

В статье о Богдановиче Карамзин идёт по пути, намеченному ещё в «Пантеоне российских авторов»: «то же внимание к биографии писателя, активное использование характерных анекдотов, воспоминаний современников» в сочетании с «попыткой психологического анализа» [9, с. 69-70].

Между тем для нового периодического издания оказались характерны не критические отклики разных жанров, а статьи, посвящённые насущным задачам литературного и культурного развития России. Карамзин назвал свой журнал «Вестник Европы», однако принципиальное значение приобретает в нём русская тема.

Если в «Письмах русского путешественника» Карамзин утверждал, что путь образования или просвещения один для всех, и национальная специфика воспринималась им как помеха на пути к «братству просвещённых наро-

дов», то в «Вестнике Европы» ставится проблема своеобразия исторического пути России. Провозглашённая ранее идея ученичества у Европы и усвоения её опыта вводится в определённые рамки и противопоставляется идее неповторимости нравственной «физиогномии» нации.

Кроме того, формирование полноценной личности связывается с её включением в мир русской истории и культуры, в мир семьи и родной природы.

Одна из программных статей «Вестника Европы» [4] «О книжной торговле и любви к чтению в России» детально характеризует просветительскую концепцию Карамзина, которая обрела у него новое дыхание с воцарением Александра I и была связана с надеждами русского общества на благое обновление жизни. В основании статьи, многоаспектной и энциклопедически насыщенной, но отличающейся от других особой степенью убеждённости (вместо характерной для Карамзина диалогичности), лежит уверенность автора не только в возможности, но уже в самой реальности умственного и нравственного прогресса [см.: 7]. При этом стремление Карамзина согласовать позиции, снять противоречия, гармонизировать отношения проявилось здесь в его желании примирить словесность и коммерцию, объединить выгоды книжной торговли и просветительские цели.

Назначение словесного искусства видится Карамзину в том, чтобы учить добру, а заодно и логике, риторике, сообщать в увлекательной форме разнообразное знание, занимать сердце, развивать воображение, давать уроки добродетели и нравственности.

Статьи «Вестника Европы» свидетельствуют о различиях в отношении Карамзина к тем или иным литературным жанрам. Как и прежде, понятие «роман» неизменно сопровождается снисходительной интонацией и располагается на нижних ступенях иерархической лестницы, верхние же отданы документальным и историческим жанрам, в которых Карамзин отмечает следы трудолюбия, систематического ума, «соединённого с талантом писать» [3, с. 35].

Тем не менее, роман предстаёт как наиболее востребованный массовым читателем жанр, поскольку «не всякий может философствовать или ставить себя на месте героев истории; но всякий любит, любил или хотел любить и находит в романическом герое самого себя» [6, с. 118]. «Всякий» – это и есть главный адресат журнальной и книжной продукции, призванной решать культурно-просветительские задачи. Критик должен был признать, что «роман более способствует прогрессу человечества, чем проповедь: художник успешнее действует на людей, чем моралист» [10, с. 25-26].

Проблема читателя становится в статьях Карамзина принципиально важной. Его литературно-критические отзывы обращены, прежде всего, к читателю. Карамзин постоянно делает акцент на восприятии произведения публикой (литературными кругами и «массовым» читателем). Нередко именно с упоминания о том, как приняла произведение публика, какое впечатление произвело на неё то или иное сочинение, начинаются карамзинские рецензии. К восприятию книги читателями разных групп и уровней критик не раз и не два может обращаться

в самой краткой журнальной заметке. Предполагаемое мнение публики всегда учтено у Карамзина. Оценка произведения отнюдь не навязывается критиком: он даёт слово самому автору (цитируя его) и апеллирует к справедливому суждению и благородному вкусу читателя.

В карамзинских литературно-критических текстах присутствуют, по крайней мере, три точки зрения – критика, читателя и автора. При этом Карамзин постоянно ставит себя в положение рецензируемого автора, передаёт его ощущения. Так, он приводит слова Расина, который говорил, что «огорчение, которое делала ему самая худая критика, несравненно превосходило ту радость, которую чувствовал он от величайших похвал» [6, с. 63]. Но нельзя не отметить, что ценностный мир самого критика, его нравственный и философско-эстетический идеал (необходимость «представлять характеры в их эстетической и нравственной истине» [6, с. 112]) зримо просвечивают сквозь «беспристрастное» суждение.

Статья «От чего в России мало авторских талантов?» хотя и не является откликом на какое-либо творение словесного искусства, но чрезвычайно важна для понимания литературно-эстетической позиции издателя, представляя собой своего рода рекомендации российским авторам. «Автору надобно иметь не только собственно так называемое дарование, – то есть какую-то особенную деятельность душевных способностей, – но и многие исторические сведения, ум, образованный логикою, тонкий вкус и знание света» [6, с. 124], – пишет Карамзин. Кроме того, «Работа есть условие ис-

кусства; охота и возможность преодолеть трудности есть характер таланта» [6, с. 125].

Карамзин касается актуальных тогда споров о языке: «Истинных писателей было у нас ещё так мало, что они не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими идеями; не показали, как надобно выражать приятно некоторые, даже обыкновенные, мысли. <...> Что ж остаётся делать автору? Выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения!..» [6, с. 124].

В статье «Мысли об уединении» автор представляет свою концепцию литературы и действительности, которые соотносятся, по его мнению, так же, как игра воображения (магия слов, «чародейство красных вымыслов») и «бедная существенность». Заметим, что и в статье «От чего в России мало авторских талантов?» искусство сопрягается с понятием «обмана».

Критик с почтением упоминает учёных, мыслителей – Бюффона, Вольтера, Руссо, и со снисхождением – пользующихся популярностью Эмина, Коцебу и пр. Науки, философия, история стоят для Карамзина выше беллетристики и имеют иную, более высокую цель – познание действительного мира, т. е. то, что доступно «не всякому» и что определило внутреннюю готовность Карамзина перейти от жанров, построенных на вымысле, к произведениям, основанным на истине: к написанию «Истории...».

С уступительной интонацией сообщается о том, что автор «Атеноровых

путешествий по Греции и Азии», господин Лантье «советуется более с воображением, нежели с историей и хронологией», но доставляет приятность «некоторого роду читателей», которые «читают для забавы, не разбирая, что История и что роман» [5, с. 143].

Иным предстаёт отзыв на «Историческое описание Российской торговли, сочинённое А. Шторхом» [3, с. 55-56]. «Сия важная книга» почтительно характеризуется как «произведение не только великого трудолюбия, но и систематического ума, соединённого с талантом писать» и в этом смысле противопоставляется «томам г. Чулкова» – «беспорядочному собранию материалов, изданных под именем Истории» [3, с. 55].

Почти каждая фраза Карамзина включает в себе критерии его литературно-критических оценок: достоверность содержания, умение увлекательно и талантливо его передать, логика, систематичность в изложении, правильность языка (или перевода [см.: 8]), доступность широкому читателю («всякому»).

Желание автора «только забавлять» получает более скромную оценку, чем его учёность, которой он не хвастает, и знания, которые он не демонстрирует.

Искусство должно украшать жизнь, улучшать нравственную природу человека, воспитывать патриотов, но оно не может постигнуть законы бытия. Художественное произведение может быть «зеркалом окружающих предметов», но приблизиться к пониманию истины могла лишь человеческая история, понимаемая Карамзиным как осуществление «плана Провидения». Не литература, и не критика, и даже не философия – лишь история, как по-

лагал Карамзин, могла дать истинное знание о настоящем и будущем человечества.

В начале 1800-х годов Карамзин видит цель писателя в том, чтобы сказать правду о прошлом и настоящем, а не уйти в страну воображения. В очерке «Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями на пути к Троице и в сём монастыре» Карамзин отметил: «История в некоторых летах занимает нас гораздо более романов; для зрелого ума истина имеет особую прелесть, которой нет в вымыслах» [3, с. 46].

«Обращение к “Истории” выдвигало требование точности, абсолютной верности материалу, фактам. <...> Для него теперь главным было стремление изображать действительный мир. <...> Отсюда стремление Карамзина-художника ссылаться на источник – летопись, документ, мемуары» [11, с. 104].

Прежде чем оставить литературу и журналистику и обратиться полностью к истории, Карамзин не раз высказывал предположение о том, что историю и литературу (т.е. истину и воображение) можно соединить. Само название его статьи «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» [1] **содержит эту мысль.** «Писатель – это уже не “лжец”, умеющий “вымышлять приятно”, заставляющий читателя забываться в “чародействе красных вымыслов”. Литература должна стать “зеркалом ума и чувства народного”, а писатель, художник или ваятель – “органом патриотизма”» [11, с. 95]. Художник должен обратиться к исторической реальности, к эпохам испытаний и бедствий Отечества, к героическим личностям русской исто-

рии, к их патриотическим подвигам и подать нравственный пример своим современникам и потомкам.

Для самого Карамзина это был путь к созданию «Истории». «История не роман и мир не сад, где всё должно быть приятно: она изображает действительный мир» [6, с. 234]. История стала для него источником вдохновения.

Карамзина всё более привлекают теперь летописи, изустные предания, исторические анекдоты, народные песни и пословицы – всё то, что несёт на себе печать исторической истины. Истина, по его мнению, кроется в фактах, в научном знании. Искусство может играть здесь лишь вспомогательную роль. «Совершенно очевидно, что поискам “выдумки” и “необыкновенности” в поэзии в истории соответствуют у Карамзина живописность и “раскраска”» [12, с. 53].

Искусство для историка – лишь способ подачи достоверного материала. Оно может создать образ видимого мира, отразить его («зеркало»), но не проникнуть в его сущность. Способность постигать истину с помощью воображения писатель, видимо, считал уделом лишь гениев.

По-видимому, разговор о Карамзине-критике не может обойтись без суждений о нём как о писателе. И дело здесь не в том, в каком качестве он был весомее и значительнее для отечественной литературы, а в том, какова была карамзинская концепция искусства.

Вопрос, сам по себе непростой, осложняется ещё и тем, что понимание сущности искусства и его функций менялось у Карамзина с течением времени. Кроме того, «критерий вкуса»,

который, как обычно пишут, лежал в основе сентименталистских представлений о прекрасном, весьма относителен.

Допущение разности вкусов делает бесполезными оценочные суждения, и, по сути, пренебрегает чужим мнением, поскольку «уважение к чужому мнению есть поражение аргументации, а значит, в перспективе – прекращение содержательной коммуникации» [14, с. 132]. «Критерий вкуса» есть, по сути, равнодушие к иному воззрению, безразличие к нему, отношение к нему как к несуществующему, т. е. игнорирование. Не случайно поэтому Карамзин не отвечал на критику в свой адрес. В этой ситуации становится проблематичной, если не бессмысленной, сама необходимость критики. Чем является она, если не выражением субъективной оценки, данной критиком? «Оценочное суждение сообщает не только о книге, но и о вас, о вашей субъективности, о вашем жизненном пути, о ваших ценностных предпочтениях, а это может быть не всякому интересно» [14, с. 132], тем более что не всякий примет эту субъективность, этот взгляд, этот ракурс в рассмотрении произведения.

Однако в сентименталистской критике такого рода вопросы не представлялись столь уже неразрешимыми. Во-первых, «субъективность» взгляда как раз и представляла собой определённую эстетическую ценность. Во-вторых, литература сентиментализма, включая критику, исходила из принципиальной, если не сказать субстанциональной, установки – найти взаимопонимание, обрести сочувственников, объединиться в партию друзей человечества и добра. Это казалось возможным. Причём желаемое единство мыс-

лилось не как узкий круг знатоков, а как человечество в целом. Не случайно в карамзинских отзывах реципиентом того или иного произведения назван солидаризирующийся с критиком «всякий». В то же время прав В.А. Недзвецкий, определяя сентименталистскую критику как «суждение изящного вкуса» [13, с. 20]: «Критика как суждение изящного вкуса ничего общего не имеет с чисто вкусовой оценкой. В отличие от поверхностного, а порой и морально нетребовательного характера последней литературно-критические нормы Карамзина и его единомышленников строились на эстетическом основании и гуманистической концепции искусства» [13, с. 26].

Дополнительные трудности создаёт вопрос: было ли искусство для Карамзина явлением самоценным? Или же оно всегда (в его понимании) играло вспомогательную роль: должно было служить чему-либо, было способом достижения каких-либо внеположных ему целей (европеизации русской культуры, забвению печальной реальности в «чародействе красных вымыслов», воспитанию добродетели и патриотизма и т. п.)?

Одновременно с пониманием сущности искусства менялось и представление Карамзина о назначении критики.

1) Европеизация русской культуры, намерение поднять отечественную словесность на более высокий уровень художественного совершенства (период «Московского журнала»).

2) Осмыслить роль и задачи автора в ситуации, когда искусство воспринимается как способ ухода от действительности (середина 1790-х, альманах «Аглая»).

3) Представить «русский взгляд» на европейское искусство («Письма русского путешественника»).

4) Мобилизовать творческие силы России на создание произведений, укрепляющих любовь к отчеству и народную гордость (период «Вестника Европы»).

В сфере мыслительной деятельности главнейшим был для Карамзина вопрос о существовании истины и возможности её познания. Первая половина вопроса решалась Карамзиным утвердительно, вторая – отрицательно или же оставалась без ответа. В то же время отношение Карамзина к искусству как к области воображения, вымысла, фантазии сочеталось с требованиями правдивости описаний и истинности передаваемых чувств. Именно этим определялись границы познавательных возможностей искусства. Хотя за ним оставалось высокое значение – сближать родственные души, всё же Карамзин не воспринимал его как жреческое служение, как божественную миссию, как путь к познанию истины. Односторонне было бы полагать, что в истории Карамзин обрёл для себя искомую реальность, познал «настоящее» через прошлое. Едва ли не большую трудность, чем определение статуса «искусства» в сознании Карамзина, представляет собой его понимание «действительности». Формулой земного бытия стала для него неоднократно повторённая в письмах и стихах фраза «Жизнь есть сон». Однако не случайно Пушкин называл отличительной чертой карамзинского мышления парадоксальность. «Сновидение жизни» соединялось у Карамзина с желанием наполнить её душевными наслажде-

ниями, исполнить свой долг, избежать «мучительных снов». Земной сон и загробное пробуждение соединяются у Карамзина всеобъемлющим понятием «душа», верой в её бессмертие.

Идеал человеческого сообщества на каждом этапе его движения к нравственному совершенству, понимаемому как смысл культуры, был связан у Карамзина с успехами просвещения, т. е. наук и художеств, языка и литературы. Они же, в свою очередь питают, обогащают и возвышают душу человека. Карамзин был убеждён в том, что состояние государства, уровень его просвещённости, степень развития словесности способствуют «раскрытию великих способностей души человеческой» [6, с. 176] (см. его «Речь,

произнесенную на торжественном собрании императорской Российской Академии»).

В свете этой концепции яснее становится причина приверженности Карамзина к доброжелательной критике. Именно она, а не строгое суждение, помогает реализации человеческих талантов. Установка на доброжелательную критику предстаёт как способ содействия творческим возможностям автора, призванного служить благу отечества. Парадокс сочетания творческой деятельности с определением жизни как сновидения преодолевается убеждением Карамзина, что раскрытие всех дарований, всех лучших душевных свойств человека есть путь к бессмертию.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ИСТОЧНИКИ:

1. Вестник Европы. 1802. № 4.
2. Вестник Европы. 1802. № 10.
3. Вестник Европы. 1802. № 17.
4. Вестник Европы. 1803. № 9.
5. Вестник Европы. 1803. № 10.
6. Карамзин Н.М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1984. 456 с.

ЛИТЕРАТУРА:

7. Блудилина Н.Д. «Дух нового времени» в публицистических статьях Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 5. С. 82-91.
8. Кросс Э. «Вестник Европы» Н.М. Карамзина. 1802-1803 // Вестник Европы. 2002. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/6/kross.html>
9. Куляпин А.И. Жанрово-стилевая природа критики Н.М. Карамзина // Проблемы метода и жанра. Томск, 1989. Вып. 15. С. 58-70.
10. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.
11. Макогоненко Г.П. Литературная позиция Н.М. Карамзина в XIX столетии // Русская литература. 1962. № 1. С. 68-106.
12. Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX в. М.-Л.: АН СССР, 1959. 431 с.
13. Недзвецкий В.А. Русская литературная критика XVIII-XIX веков. Курс лекций. М.: МГУ, 1994. 182 с.
14. Фрумкин К. «Хорошо» и «нравится». Нужны ли оценочные суждения в разговоре о литературе и искусстве // Новый мир. 2017. № 3. С. 125-132.

REFERENCES & SOURCES

SOURCES

1. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. 1802. no. 4.
2. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. 1802. no. 10.
3. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. 1802. no. 17.
4. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. 1803. no. 9.
5. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. 1803. no. 10.
6. Karamzin N.M. *Sochineniya: v 2 t. T. 2* [Works in 2 vols. Vol. 2.]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984. 456 p.

REFERENCES

7. Bludilina N.D. "The new Zeitgeist" in N. Karamzin's publicistic articles in the "Herald of Europe". In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2015, no. 5, pp. 82–91.
8. Kross E. "Herald of Europe" by N. Karamzin. 1802-1803. In: *Vestnik Evropy*. 2002. № 6. [Herald of Europe. 2002. No. 6.]. Available at: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/6/kross.html>
9. Kulyapin A.I. Genre-stylistic nature of the criticism of the N. Karamzin. In: *Problemy metoda i zhanra* [Problems of method and genre]. 1989, no. 15, pp. 58–70.
10. Lotman YU.M. *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. Moscow, Kniga Publ., 1987. 336 p.
11. Makogonenko G.P. Literary position of N. Karamzin in the 19th century. In: *Russkaya literatura* [Russian literature]. 1962, no. 1, pp. 68–106.
12. Mordovchenko N.I. *Russkaya kritika pervoi chetverti XIX v.* [Russian criticism the first quarter of the 19th century]. Moscow-Leningrad, AN SSSR Publ., 1959. 431 p.
13. Nedzvetskii V.A. *Russkaya literaturnaya kritika XVIII-XIX vekov. Kurs lektsii* [Russian literary criticism of the 18-19th centuries. A course of lectures]. Moscow, MGU Publ., 1994. 182 p.
14. Frumkin K. "Good" and "like". Are evaluative judgments necessary in talking about literature and art. In: *Novyi mir* [New world]. 2017, no. 3, pp. 125–132.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сапченко Любовь Александровна – доктор филологических наук, профессор Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н.Ульянова;
e-mail: ssj-sla@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ljubov' A. Sapchenko – Doctor in Philological sciences, Professor of Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University;
e-mail: ssj-sla@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сапченко Л.А. Литературно-критическая позиция Н.М. Карамзина периода «Вестника Европы» (1802-1803) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 106-115.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-106-115

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

L. Sapchenko. Literary-critical position of N. Karamzin in the period of the “Herald of Europe” (1802-1803). In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 106-115.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-106-115